

Леонтьева Тамара Ивановна, Филиппова Ольга Владимировна

ПЕЙЗАЖ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. Г. ЛОРЕНСА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА БРИТАНЦЕВ

В статье рассматриваются проблемы менталитета и национального характера англичан на примере произведений Д. Г. Лоренса. Используется метод филологического прочтения художественной литературы для выявления такой черты национального характера англичан как любовь к природе. Делается вывод о том, что культ природы у британцев имеет вековую историю, и традиция трепетного отношения к земле, милому дому, личной территории является незыблемой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 119-124. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 008.009:39; 008.351.858

Филологические науки

В статье рассматриваются проблемы менталитета и национального характера англичан на примере произведений Д. Г. Лоренса. Используется метод филологического прочтения художественной литературы для выявления такой черты национального характера англичан как любовь к природе. Делается вывод о том, что культ природы у британцев имеет вековую историю, и традиция трепетного отношения к земле, милому дому, личной территории является незыблемой.

Ключевые слова и фразы: менталитет; национальный характер; когнитивный подход; культура; комплексный анализ текста; лингвокультурологический портрет нации.

Леонтьева Тамара Ивановна, канд. пед. наук, доцент

Филиппова Ольга Владимировна

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

tamara.leontieva@gmail.com; mimfil@mail.ru

ПЕЙЗАЖ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. Г. ЛОРЕНСА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА БРИТАНЦЕВ®

Обращение к теме национального характера и менталитета объясняется огромным интересом к проблемам сближения наций в наш интеллектуальный век. Актуален тот факт, что этот вопрос ставится во главу угла сегодня представителями разных профессий: психологами, лингвистами, психолингвистами и, в силу их профессиональной деятельности, политиками. Среди наиболее известных ученых, описывающих национальный характер и менталитет, следует отметить работы таких исследователей и писателей как А. Ф. Прасол, Ю. Б. Кузьменкова, М. П. Любимов, В. В. Овчинников, В. Осипов, В. А. Маслова, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Шестаков, R. Hill, G. Mikes и др. [8; 12; 13; 16; 18; 20; 24; 25; 26; 29]. В данной статье пристальное внимание будет уделено работам специалистов, которые занимаются изучением этого вопроса на примере британской нации.

Л. В. Санжеева предлагает следующее определение менталитета – «сложившаяся особенность психического мировосприятия, опосредованного культурными и социальными архетипами, создающего ориентиры жизнедеятельности человека». При этом автор замечает, что четкой структуры ментальности не существует [22, с. 186-187]. В других источниках разграничиваются понятия менталитета и национального характера. Так, Т. Г. Стефаненко рассматривает менталитет как систему «взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы», а национальный характер как набор типичных черт отдельного народа [23, с. 133]. Подобного разграничения придерживается и Д. В. Полежаев, который считает менталитет нации феноменом, оберегающим «социально-психические глубины общества (нации) от внешнего воздействия с целью его, общества, изменения извне». Национальный характер проявляется в бытовых особенностях, в отношении к труду, к другим народам и к своей культуре [19].

Понимание национального характера тесно связано с языком и культурой. Давая определения понятию «культура», авторы в первую очередь выделяют такие значения как совокупность всех достижений человечества (производственных, общественных и духовных); определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека; результаты развития общества в виде памятников литературы, искусства и т.п., относящихся к определенной эпохе и территории; сферу духовной жизни людей [2, с. 607; 7, с. 217; 14, с. 167; 17, с. 252]. Культура дает возможность каждому народу осознать свою непохожесть, уникальность и неповторимость.

Согласно В. В. Воробьеву, «сохранение в культуре важнейших ценностей даёт гарантию для адекватного понимания жизни нации как она отражается в её языке» [3, с. 33]. Взаимодействие языка и культуры изучается в течение долгого периода времени, начиная с В. Гумбольдта (1767-1835), который считал язык хранилищем народного духа и представлял язык как систему знаков, находящуюся между ментальным и материальным миром [6, с. 112].

Проблемы изучения языка и культуры привели в XXI веке к возникновению культурологии – «самостоятельной научной дисциплины, комплексно изучающей все проявления культуры и механизмы культурного развития в мире» [21, с. 200]. Лингвокультурология может рассматриваться как один из аспектов культурологии, изучающей «мир в контексте его культурного существования, то есть со стороны того, чем этот мир является для человека, каким смыслом он для него наполнен» [9, с. 4]. Каждая нация имеет свою систему ценностей и традиций, знаний и верований, которые передаются от поколения к поколению и составляют её национальный менталитет. Ученые и простые наблюдатели, в основном путешественники, которые, собственно, и начали проводить культурологические исследования национальных менталитетов, отмечают следующие черты британского национального характера: отношение ко времени; организация пространства, вызванная особым, «островным» положением страны; чувство самоуважения; постоянство и стабильность во всех жизненных ситуациях; сентиментальность; вежливость; терпимость; сдержанность и др. [8; 12; 16; 18; 26; 29].

Чтение критической литературы по английским художественным произведениям показывает, что довольно активно изучаются такие черты британского менталитета как отношение к политике (от Дж. Свифта до Дж. Б. Пристли и др.), к любви (начиная от Дж. Чосера, В. Шекспира до писателей наших дней). Широко обсуждается британское чувство юмора (с древних времен, затем в произведениях В. Шекспира, Р. Шеридана, О. Уайльда, Б. Шоу и др.). Характер англичан представлен в различных контекстах: бизнесе, науке, политике, общественно-социальных отношениях. Однако самобытность англичан как отличных садоводов и раскрытие присущих им черт характера на фоне окружающей их природы описаны в гораздо меньшей степени.

Определенные попытки лингвокультурологического анализа литературных произведений, богатых описаниями природы, конечно предпринимались. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах отражено в диссертационном исследовании О. В. Гавриленко (2010). Автор обратила внимание на отсутствие каких-либо комплексных исследований восприятия ландшафтного своеобразия, объективированного в национальных культурах мира [4, с. 3]. О том, что англичане весьма своеобразно воспринимают окружающий их ландшафт, «обожествляют» его и руководствуются в своих действиях собственным отношением к этому прекрасному фону, писал В. П. Шестаков [25, с. 20-21]. В. В. Овчинников свидетельствует о сохранении в национальном менталитете англичан (британцев) присущего им образа родины в виде «обнесенного живой изгородью палисадника перед домом» [16, с. 244].

Для более тонкого понимания сути национального менталитета необходимо изучение художественной литературы. Художественные произведения дают дополнительный материал к тому, что мы узнаём из научных и публицистических работ психологов, этнологов, политиков и др. На ценность классической литературы как источника сведений о национальном характере указывает С. Г. Тер-Минасова [24, с. 177]. Литературные произведения создают лингвокультурологический портрет нации и позволяют увидеть в поведении людей то общее, что объединяет представителей всех народов. Принимая это во внимание, полагаем внести свою лепту в изучение английской литературы с вышеуказанной целью: пролить свет на некоторые черты британской нации и определить отношение английских писателей к своему народу, его умонастроениям и чертам и черточкам их повседневной жизни.

В настоящей статье предпринимается лингвокультурологический анализ художественных произведений Д. Г. Лоренса. Автор, представляющий своих героев на фоне великолепного английского пейзажа, не жалеет красок для передачи его красоты, демонстрируя все лингвостилистическое богатство языка. Рассмотрим красоту этого фона и попытаемся понять чувства героев, их отношение к природе и друг к другу. Найдём ли мы доказательства того, что англичане сентиментально относятся к своему дому, лужайке перед ним и считают по-прежнему «Мой дом – моя крепость»?

Для анализа были выбраны отрывки из рассказа Д. Г. Лоренса «England, My England» [27] и романа «Lady Chatterley's Lover» [28]. В статье предпринимается когнитивный подход к изучаемому материалу, т.к. он позволяет открыть много нового в характере англичан и прийти к дополнительным знаниям и выводам в отношении их ментальности. Что касается работы с текстом, то здесь применяется комплексный лингвостилистический и композиционный анализ, раскрывающий коммуникативное намерение Д. Г. Лоренса и дающий ответ на волнующие нас вопросы. Гипотеза данного исследования состоит в ответе на вопрос о том, являются ли такие понятия как «милый дом» (Home, Sweet Home), личная территория («My house is my castle»), так называемая уединенность (privacy) и окружающая природа приоритетными для англичан и британцев в целом.

В рассказе «England, My England» (Англия, моя Англия) автор представляет главного героя, молодого мужа Эгберта, с радостью и вдохновением работающего на своей земле:

—*He was working on the edge of the common, beyond the small brook that ran in the dip at the bottom of the garden, carrying the garden path in continuation from the plank bridge on to the common. He had cut the rough turf and bracken, leaving the grey, dryish soil bare. But he was worried because he could not get the path straight, there was a pleat between his brows*” [27, p. 106].

Он работал на краю пустоши за неглубоким ручьём, бегающим по ложбине, где кончается сад, – удлинял садовую дорожку, уходящую через бревенчатый мостик и заросли вереска. Он уже снял слой жёсткого дерна с папоротником, обнажив суховатую серую почву. Но дорожка получалась кривая, он был недоволен, между бровями у него пролегла морщина [10].

Представляется, что рассказ написан с элементами эффекта «обманутого ожидания», стилистического приёма, описанного И. В. Арнольд [1, с. 108]. Д. Г. Лоренс готовит нас к драматическим событиям, которые последуют с первых строк рассказа. Так, автор вводит эпитет *worried* (недоволен), говоря тем самым, что не все у Эгберта хорошо получается, никак не выпрямляется тропа *for some reason everything seemed wrong* (казалось, все пошло не так), мы замечаем морщину между бровей *...there was a pleat between his brows*.

—*He dooked again, straining his keen blue eyes that had a touch of the Viking in them, through the shadowy pine trees as through a doorway, at the green-grassed garden-path rising from the shadow of alders by the log bridge up to the sunlit flowers*” [27, p. 106].

В который раз, напрягая синие острые глаза – глаза викинга, он обернулся, всматриваясь сквозь проём в стене молодого сосняка туда, где от осеннего ольхой мостика взбегала на цветущий дужок поросшая зелёной травой дорожка [10].

С помощью конвергенции стилистических средств в одном предложении: простой эпитет *keen blue eyes* (синие острые глаза), синтаксический эпитет *a touch of the Viking* (глаза викинга), сравнение *as through a doorway* (как будто сквозь дверной проём), красочное определение *the sunlit flowers* (сверкающие на солнце

цветы) он показывает беспокойство героя чем-то, пока для него непонятным: *—He had set up his sticks, and taken the sights between the big pine trees, but for some reason everything seemed wrong.*” (И вроде бы кольшкками разметил, и направление определил – между большими соснами, а выходило почему-то не так [Там же]).

Автор создает необыкновенную картину природы, достойную кисти художника. Перечисление различных цветов и растений наполняет текст свежестью и ароматом поля и леса. Читатель воспринимает текст не только глазами, но и другими органами чувств. Такой текст можно назвать интермедийным, т.к. он одновременно с описанием рисует саму картину природы красками *white, purple, flamy, green, red, yellow* (белый, лиловый, пламенный, зелёный, красный, жёлтый) и наполняет ее звуками *the small brook that ran* (весело журчал ручеек) и запахами *amid flowers blossoming* (среди благоухающих цветов), позволяет осязать её *shaggy wildness* (косматый бурьян). Автор обращает наше внимание на тонкое чувство прекрасного, которое характеризует Эгберта как настоящего британца с корнями, ведущими в далёкое прошлое. Большую роль играет здесь гипербола *—had been a garden for a thousand years*” (этот сад живёт уже тысячу лет), а также и аллюзия на саксонцев *—a when the Saxons came*” (как в те далёкие времена, когда сюда явились саксы) и викингов *—had a touch of Viking in them*”(глаза викингов). Повтор во внутренней речи героя *—So old, so old a place*” (Старина, седая старина!) с расширением во второй части, а также восклицательная конструкция свидетельствуют об огромной привязанности его к земле, к труду на ней, к дому, к милой сердцу Англии. Он любит цветы и деревьями, чувствует трепет от близости дома, окруженного цветами, чувствует «дух места» (*the spirit of the place*) и испытывает, по-видимому, те же чувства, что и его древний родственник, германский завоеватель, оставшийся тут благодаря такой неземной красоте лугов и полей:

—Till white and purple columbines, and the butt-end of the old Hampshire cottage that crouched near the earth amid flowers, blossoming in the bit of shaggy wildness round about <...> Strange how the savage England lingers in patches: as here, amid these shaggy gorse commons, and marshy, snake infested places near the foot of the south downs. The spirit of place lingering on primeval, as when the Saxons came, so long ago” [27, p. 106-107].

Высокие, лиловые и белые водосборы упирались в торец старого гемпширского дома, вросшего в землю среди цветов и косматого бурьяна, разросшегося кругом <...> Удивительно, как стойко держится местами в Англии первобытный дух – например, здесь, среди буйно поросших можжевельником склонов, в болотистых гадючьих низинах у подножия известковых холмов. Душа земли, хранящая первожданность, как в те далёкие времена, когда сюда явились саксы [10].

Д. Г. Лоренс передает восторженность героя рассказа с помощью несобственно-прямой речи *—Ah how he had loved it*” (Ах, как он раньше любил все это!). Это восклицание создает эмоциональную окраску, которую мог бы вложить в свое высказывание сам персонаж, это его речь, только переданная автором. Лоренс продолжает эту манеру рассказа, она помогает раскрыть особенности характера Эгберта, его очарованность самой жизнью, молодостью, любовью к жене, окружающим пейзажем, домом, в котором хозяйка его жена, и умение любоваться каждым отдельным цветком. Главное, что нас интересует, это «образы и магия стиля» [15, с. 248]. Именно то, что Эгберт способен замечать красоту цветов *purple and white columbines, great oriental red poppies* (лиловые и белые водосборы, огромные яркие маки, алые, с чёрными прожилками), и что он сам создал этот пламенный цветник, является для нас важным. Авторский стиль настолько богат, что мы не можем не отметить разнообразие синтаксиса: длинные распространенные предложения соседствуют с эллиптическими, авторское повествование обогащается с помощью вкраплений несобственно-прямой речи:

—Ah how he had loved it The green garden path, the tufts of flowers, purple and white columbines, and great oriental red poppies with their black chaps and mulleins tall and yellow, this flamy garden which had been a garden for a thousand years, scooped out in a little hollow among snake infested commons. He had made it flame with flowers, in a sun cup under its hedges and trees. So old, so old a place! And yet he had re-created it” [27, p. 107].

Ах, как он раньше любил все это Зелёную дорожку, островки цветов – белые и лиловые водосборы, огромные яркие маки, алые, с чёрными прожилками: статные желтые коровяки – весь этот пламенеющий сад, который и тысячу лет назад уже был садом, возделанным в лощине среди змеиных пустошей. Сад, который у него запольхал цветами на солнечной поляне под кустарником и деревьями. Старина, седая старина И это он вернул ей молодость [10].

Следует отметить, что любовь Эгберта к «своей Англии» не оставляет его на протяжении всего рассказа и даже в минуты приближающейся смерти, он замечает красоту вокруг себя и переживает не столько за свою жизнь, сколько за жизнь веток и цветков, которые гибнут от перестрелок и взрывов. Не вполне осознавая то, что снаряд может разорваться прямо над ним, не оглядываясь на него, радуясь тому, что взрыва не последовало, он замечает краем глаза окружающую его картину: *—He only noticed a twig of holly with red berries fall like a gift on to the road below*” [27, p. 140] (Он заметил только, что на дорогу внизу легла, точно приношение, веточка остролиста, усыпанная красными ягодами). Этот предсмертный взгляд подтверждает нашу мысль о том, что любовь к природе является яркой чертой английского национального характера. Поэтому девиз *—England, my England*” сохраняет свою значимость.

В романе Д. Г. Лоренса *—Lady Chatterley’s Lover*” (Любовник леди Чаттерли) [28] действие происходит на фоне леса, окружающего родовую усадьбу Рагби. Лес, природа, погодные условия помогают автору выразить чувства героев, их привязанности, мечты, сокровенные мысли, понять характеры и поступки. Пейзаж и отношение к нему героев уже с первых страниц показывают, какие они разные.

Молодая супружеская пара Клиффорд и Конни Чаттерли живет уединенно и обособленно в своем поместье. Дни протекают уныло и однообразно на фоне скучного тусклого пейзажа. Часто идет дождь, влажно и

сыро, мертвенно-серая дымка окутала парк. Их жизнь кажется страшным диким сном под смрадным колпаком: *—Life always a dream or a frenzy, inside an enclosure*” [Ibidem, p. 39] (И вся жизнь – страшный, дикий сон под этим колпаком [11, с. 43]). Только лоскуток голубого неба олицетворяет маленькую надежду на новую жизнь. Все живое тянется к нему:

—In front lay the wood, the hazel thicket nearest, the purplish density of oaks beyond. From the wood's edge rabbits bobbed and nibbled. Rooks suddenly rose in a black train, and went trailing off over the little sky” [28, p. 39].

Невдалеке раскинулся лес: спереди плотной кучкой выстроились каштаны, за ними, догорая последним багрянцем, высились дубы. На опушке прыгали, вдруг застывая как вкопанные, зайцы. Снялась и устремилась к голубому небесному лоскутку большая стая грачей [11, с. 43].

При описании леса Лоренс создает тематическую сетку слов, отражающую картину природы: эпитеты *purplish, black, little* (багрянистый, чёрный, маленький), с ними связаны лексические единицы, обозначающие животных и птиц *rabbits, rooks* (кролики, грачи), а также названия деревьев и кустарников *hazel thicket, oaks* (заросли лесного ореха, дубы). С помощью этих средств автор подготавливает читателя к восприятию дальнейших событий романа.

Для Клиффорда лес является предметом гордости, он испытывает огромную ответственность, согласно долгу джентльмена, за сохранение старой Англии:

—If some of the old England isn't preserved, there'll be no England at all,” said Clifford. —And we who have this kind of property, and the feeling for it, must preserve it” [28, p. 41].

Если не сохраним ничего от прежней Англии, новой не будет вообще. И сохранять это нам, тем, кто владеет землей, лесами, тем, кому на это не наплевать [11, с. 45].

Стремление сохранить прежнюю Англию очень сильно в нем, что подчеркивается повтором глагола *preserve* (сохранять). Здесь проявляется одна из главных ценностей британского общества – особое отношение к природе, к земле, к своим владениям, говоря словами Клиффорда: *—We may go against convention, but one must keep up tradition*” [28, p. 41] (Можно противиться условностям, но должно чтить традицию [11, с. 45]). Охваченный чувством гордости и ответственности, он мечтает о наследнике, продолжателе рода, о том, кто будет заботиться о земле после него: *—I mind more, not having a son, when I come here, than any other time,” he said* [28, p. 40] (Я бы, пожалуй, даже обрадовался, роди ты от другого мужчины, – сказал он [11, с. 45]). Высокомерие Клиффорда, его снобизм мгновенно меняет палитру красок окружающей природы для Конни:

—The day had greyed over: the small blue sky that had poised low on its circular rims of haze was closed in again, the lid was down, there was a raw coldness. It was going to snow. All grey, all grey! The world looked worn out” [28, p. 45].

День поскучнел: серая дымка напозла, окружила и сокрыла голубой лоскуток неба, точно под крышкой – и сразу влажным холодом дохнуло на землю. Наверное, пойдет снег. А пока все кругом так уныло, так серо. Одряхлел весь белый свет [11, с. 49].

Автор расширяет тематическую сетку слов с отрицательной коннотацией *greyed over, poised low, a raw coldness, worn out* (делаться серым, опустились облака, промозглый холод, обветшалый), акцентируя внимание на невозможности будущего для супружеской пары. Мир рушится на ее глазах, что подчеркивается повтором конструкции *All grey, all grey!* (Всё уныло, всё серо!) и восклицательной структурой предложения.

Борясь с депрессией, Конни часто гуляет по лесу, от которого исходит «старая-престарая грусть». Её отчаяние просматривается в описании пейзажа:

—The air was soft and dead, as if all the world were slowly dying. Grey and clammy and silent, even from the shuffling of the collieries, for the pits were working short time, and today they were stopped altogether. The end of all things” [28, p. 61].

Воздух напоен влагой и мертвящей тишиной, будто все кругом умирает. Серо, стыло, тихо. Молчат и шахты: они работают неполную неделю, и сегодня – выходной. Кончилась жизнь [11, с. 66].

Эпитеты *soft and dead, grey and clammy* (приглушённый, мёртвый, унылый, влажный) с ярко выраженной отрицательной оценочной коннотацией вместе со сравнительной конструкцией *as if*, завершающейся глаголом *dying* (как будто умирает), создают картину безнадежности, завершаемой авторским комментарием *The end of all things!* (Кончилась жизнь, конец всему!).

С приходом весны, с пробуждением природы к Конни приходит желание жить, которое усиливается встречей с егерем их имения Меллорсом, человеком другого круга. Встреча с Меллорсом изменила жизнь Конни и мир вокруг неё. Она стала замечать первые цветы, травы:

—Wild daffodils <...> Little gusts of sunshine blew, strangely bright, and lit up the celandines at the wood's edge, under the hazel-rods, they spangled out bright and yellow” [28, p. 79].

Дикие нарциссы – это и впрямь красота <...> А еще ветром принесло солнечные блики, они разбежались по опушке леса, где рос чистотел, вызолотили голые ветки орешника [11, с. 86].

Текстовая импликация слов с яркой экспрессивной окраской в описании цветов передает волнение героини, пробуждение в ней новых неясных чувств и ощущений. А вид только что вылупившихся птенцов-фазанов приводит её в восторг и даже в экстаз:

—The slim little chick was greyish brown with dark markings, and it was the most alive little spark of a creature in seven kingdoms at that moment. Connie crouched to watch in a sort of ecstasy. Life, life! Pure, sparky, fearless new life. New life. So tiny and so utterly without fear” [28, p. 106].

В этом буре крапчатом комочке таилось столько жизни Она играла, сверкала, как самый драгоценный алмаз. Конни присела и восторженно засмотрелась на птенца. Жизнь Жизнь У нее на глазах начиналась новая, чистая, не ведающая страха жизнь. Новая жизнь Такое крохотное и такое бесстрашное существо [11, с. 115].

Автор создает высоко эмоциональный портрет героини, которая ощущает новую жизнь всеми своими чувствами: осязанием, зрением, обонянием. Эмоциональный накал её чувств становится понятным благодаря конвергенции стилистических приёмов: простых и синтаксических эпитетов, набором экспрессивной лексики; повторам интенсификаторов и восклицательным эллиптическим конструкциям.

Двойственное состояние Конни, жизнь с нелюбимым мужем и тайные встречи с Меллорсом, привлекавшие её новизной и очарованием, раскрывается на фоне пейзажа. Когда Конни гуляет с мужем, она обращает внимание на раздавленные его коляской цветы:

—*But Connie walking behind, had watched the wheels jolt over the wood-ruff and the bugle, and squash the little yellow cups of the creeping-jenny*” [28, p. 172].

Идя за креслом, Конни видела, как колеса, подпрыгивая на неровностях, давили голубые пики дубровок, белые зонтики лесного чая и крошечные желтые головки бальзамова яблока [11, с. 186].

Всё в муже раздражает её, и все отрицательные эмоции она связывает с ним. И даже когда он восхищался английской весной: —*What is quite so lovely as an English spring*” (Нет ничего прекрасней английской весны! [Там же]), Конни казалось, что она слышала речь в парламенте, настолько пафосно и неэмоционально это звучало. Совершенно по-другому Д. Г. Лоренс описывает пейзаж, когда Конни встречается с Меллорсом: чистое, ясное утро; торжественное пение птиц; свежесть распустившегося цветка; золотые лучи солнца. Конни сравнивает себя с дубравой, в которой на каждом дереве лопаются почки. Она — часть природы: —*He was gone in her own soft rapture, like a forest sighing with the dim, glad moan of spring, moving into bud*” [28, p. 129] (Тихое благоговение поглотило её, точно весенний лес, с радостным вздохом тянущий ветви с набухшими почками навстречу солнцу, теплу [11, с. 140]). В данном примере метафоры наслаиваются одна на другую, создавая поэтический образ весны, которая, как женщина, дарит жизнь. Для характеристики весны автор прибегает к олицетворению —*glad moan of spring*” (радостный вздох весны).

Кульминацией слияния человека с природой может служить апофеоз любви Меллорса и Конни под дождём. И если в сценах с Клиффордом плохая погода олицетворяет безнадежность, равнодушие, нелюбовь, внутреннюю холодность, пустоту, то в сценах с Меллорсом дождь — это олицетворение чистой любви, полного доверия, нежности. Дождь очищает, питает ростки нового чувства. Охваченная этим новым чувством, Конни выбегает из домика егеря под дождь:

—*He opened the door and looked at the straight heavy rain, like a steel curtain, and had a sudden desire to rush out into it, to rush away. She got up, and began swiftly pulling off her stockings, then her dress and underclothing, and he held his breath <...> She... ran out with a wild little laugh, holding up her breasts to the heavy rain and spreading her arms, and running blurred in the rain with the eurhythmic dance movements...*” [28, p. 206].

Конни встала, открыла дверь и посмотрела на тяжёлую, как стальную, стену дождя. И в ней вдруг проснулось желание выскочить в дождь прочь из этой лагуны. Она стала быстро стягивать чулки, платье; он глядел на нее, раскрыв рот <...> ...она выбежала в дождь, по-дикому хохотнув и выбросив вперед руки. Она бежала; белея сквозь потоки дождя, танцуя ритмический танец... [11, с. 223-224].

Чтобы передать торжество естественного чувства Конни, её раскрепощенность, автор использует целый ряд динамичных глаголов, описывающих буйный причудливый танец любви: *rush away, ran out, spreading her arms, and running* (выскочить под дождь, выбежала, выбросив вперед руки). Эту выплеснутую ею страсть автор называет —*eurhythmic dance movements*” (ритмический танец).

Радость жизни, танец любви и страсти подхватывает Меллорс:

—*He laughed wryly, and threw off his clothes. It was too much... Connie, her hair all wet and sticking to her head, turned her hot face and saw him <...> She ran, and he saw nothing but the round wet head, the wet back leaning forward in flight, the rounded buttocks twinkling: a wonderful cowering female nakedness in flight*” [28, p. 207].

Он натянуто засмеялся и тоже сбросил с себя одежду. Нет, это уж, пожалуй, слишком... Конни обернулась, намокшие волосы облепили ей голову, лицо пылало, синие глаза возбужденно сияли <...> И она побежала дальше, делая странные резкие движения; свернула на тропу, подстигаемая мокрыми ветками; и сквозь кусты замелькала чудесная женская трепещущая нагота [11, с. 224].

Цитируемый отрывок также характеризуется динамичностью. Но на этот раз движением охвачены и Меллорс, и Конни. Д. Г. Лоренс находит следующее стилистическое решение: повторение слова *flight* (полёт); нарушение обычной лексической сочетаемости *buttocks twinkling* (мерцание ягодич); метонимия *female nakedness* (женская нагота), обогащенная экспрессивными эпитетами *wonderful* (чудесная) и *cowering* (трепещущая). Любовь, дождь, природа пробуждают в Меллорсе поэтическое видение любимой женщины, и он видит полет.

Естественным окончанием любовной игры под дождём является импровизированная свадьба, для которой герои украсили себя цветами. Автор создаёт интермедийный текст: цветы *woodruff, honeysuckle, hyacinth* (душистый ясменник, жимолость, гиацинт) символизируют аромат; влюбленные осязают хрупкость дубовых веточек и колокольчиков (*oak-tufts, bluebells*); осыпая друг друга цветами, созерцают красоту стелющегося ослинника, водосбора, лихниса (*creeping-jenny, columbines, campions*). Автор тонко, деликатно создает психологические характеристики своих героев, отражая различные оттенки их чувств. Это становится возможным, потому что его персонажи действуют на фоне природы, находят гармонию с ней.

Проведенный анализ художественных произведений действительно расширяет наше представление о самобытности английской нации. Мы становимся свидетелями трепетного отношения англичан к природе, к их единению с ней и в беде, и в радости. Великолепный язык Г. Д. Лоренса позволяет судить об этой черте британцев как составляющей их ментальности. На мучавший писателя вопрос о том, где же моя Англия, он дает уверенный ответ. Автор убеждает читателя в том, что Англия – это любовь к живой природе, естественной или культивированной; работа на своей земле; привязанность к дому и дорогим людям. Талант писателя раскрывает способность англичан испытывать восторг к окружающему пейзажу. Он рассматривает его не только как фон для своих героев, но и как активного участника событий, происходящих в душе и каждодневной жизни.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
2. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М.: РУДН, 2008. 336 с.
4. Гавриленко О. В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2010. 25 с.
5. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамашвили; послес. А. В. Гулыги и А. В. Звезгинцева. М.: ОАО ИГ Прогресс, 2000. 400 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2. 779 с.
8. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 316 с.
9. Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. Серия: Лики культуры. М.: РАН. 1994. 251 с.
10. Лоренс Д. Г. Англия, моя Англия [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/INPROZ/CHATER/t_england.txt (дата обращения: 13.05.2013).
11. Лоренс Д. Г. Любовник леди Чаттерли / пер. с англ. И. Багрова и М. Литвиновой. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1993. 304 с.
12. Любимов М. П. Гуляния с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. М.: Б.С.Г.-ИРЕСС, 2004. 606 с.
13. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
14. Матвеева Т. М. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.
15. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / пер. с англ. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.
16. Овчинников В. В. Корни дуба // Сакура и дуб. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. С. 221-445.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
18. Осипов В. Британия глазами русского. Харьков: АПН, 1979. 208 с.
19. Полежаев Д. В. Национальный характер и менталитет: Исторические основания русско-европейского различия [Электронный ресурс] // Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Елабуга, 21-22 октября 2010 г.). URL: <http://www.egpu.ru/lib/elib/Data/Content/129344627721616218/Default.aspx> (дата обращения: 17.04.2013).
20. Прасол А. Ф. Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2009. 416 с.
21. Рябова М. Ю. Аспекты теории языка и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5). С. 199-204.
22. Санжеева Л. В. Менталитет как конструкция модели мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. С. 184-189.
23. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2008. 368 с.
24. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2008. 352 с.
25. Шестаков В. П. Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
26. Hill R. We Europeans. Brussels: Edition et Imprimerie, 1992. 354 p.
27. Lawrence D. H. England, My England // Odour of Chrysanthemums and Other Stories. М.: Progress Publishers, 1977. P. 106-142.
28. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover. USA: New American Library: A Division of Penguin Books USA, Inc., 1962. 283 p.
29. Mikes G. How to Be an Alien [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/ANEKDOTY/mikes1.txt> (дата обращения: 15.03.2013).

LANDSCAPE IN WORKS OF D. H. LAWRENCE AS COMPONENT OF BRITISH NATIONAL CHARACTER

Leont'eva Tamara Ivanovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Filippova Olga Vladimirovna

Vladivostok State University of Economics and Service
tamara.leontieva@gmail.com, mimfil@mail.ru

The authors consider the problems of mentality and national character of the English by the example of D. H. Lawrence's works, use the method of philological reading of fiction in order to reveal such English national character as love for nature, and conclude that the nature of the British has age-old history, and the tradition of anxious attitude to the land, sweet home, personal territory is inviolable.

Key words and phrases: mentality; national character; cognitive approach; culture; complex analysis of text; linguo-culturological portrait of nation.